

«Ищу стихий других, земли желец усталый...»

Есть художники, извлекающие своей кистью те самые эффекты, о которых пишут фантасты — их полотна звучат, говорят, несут в себе ароматы самой жизни. Без применения новейших технологий грядущих веков. К числу таковых относятся творения Ф. А. Васильева, И. И. Левитана, А. И. Куинджи, Н. Н. Дубовского. Один из ярчайших примеров такой «говоряще-звучащей» живописи — знаменитый «Зеленый шум» А. А. Рылова.

Теперь ясно, о чем речь?

Есть опасение, что в эти дни за суетой нашей жизни забудется еще один художник, умевший взглянуть на окружающий его мир как на многомерное многозвучное чудо. 25 октября ему исполнилось бы 90 лет. Он умер сравнительно недавно, будучи действительным членом Академии художеств СССР и народным художником Союза. Звания пришли к нему довольно поздно, как бы сами собой, по естественному ходу вещей и событий.

А может быть, потому, что в последние десятилетия своей жизни он отдался почти целиком изображению моря, а маринистика всегда у нас стояла особняком, а подчас и на периферии зрительского интереса — сказывается синдром континентального мышления и чувствований.

Итак, речь идет о творчестве Эдуарда Фридриховича Калныньша. Он был человеком своего времени и человеком своего народа. Его, несмотря на талант и удивительную работоспособность, не миновали ни беды, ни огорчения, выпавшие на долю людей его поколения. В годы первой мировой войны семья, как десятки тысяч других, ей подобных, ушла от немецкого нашествия в Россию. Семья портного Калныньша оказалась в страшной, по народной молве, Сибири. Жили в уютном тогда Омске. Именно здесь он получил первые уроки живописи у первого встреченного им профессионала-художника Евгения Мошке-

вича. После окончания гражданской войны юноше ясен его жизненный путь. Он учится живописи в Латвийской Академии художеств у самого Вильгельма Пурвита, прошедшего школу мастерской Н. К. Рериха в Петербурге. Вместе с другом на мотоцикле объезжает пол-Европы, изучает коллекции крупнейших музеев. Его манит серебряный колорит голландцев, тот театр волн и облаков, который умело создавали мастера классического пейзажа. Однако высшие достижения его молодых и зрелых лет связаны с картиной. В 1935 году он написал остросоциальное тематическое полотно «Плотовщики», через 10 лет — «Новые паруса». Проникновенная печаль первой картины контрастирует с мажором второй. Новое бело-сине-фиолетовое полотно в рыбацких руках-клепках было символом надежды, ясным знаком обновления жизни.

С тех пор Калныньш почти безраздельно отдал себя морю. Он писал рыбацкие поселки, стариков, разбирающих сети, маневры боевых балтийских кораблей, латышских рыбаков в Атлантике, гонки парусных судов.

Море было всегда вблизи от него. На расстоянии вытянутой руки. И доброе, и злое. Знали: он не только профессор живописи, но и спортсмен, капитан крейсерской яхты «Варавиксне». Именно этому увлечению обязаны мы такими шедеврами, как «Седьмая Балтийская регата» (Государственная Третьяковская галерея) и «Круто к ветру» (Калужский художественный музей).

Многие годы Эд. Калныньш был признанным флагманом маринистики страны, занимавшей одну шестую суши. Его полотна хранятся во многих музеях. И сейчас, когда художники готовятся к 300-летию российского флота, они вспоминают уроки рижского волшебника.

Олег ИВАНОВ.